

ОЛЬГА БАРАШ

 <https://orcid.org/0000-0002-6133-021X>
barasolga@yandex.ru

«ЗОФЬИН ТЕКСТ» ИОСИФА БРОДСКОГО: НАЧАЛО (1961–1962)

THE “ZOFIA’S TEXT” OF IOSIF BRODSKY: THE START (1961–1962)

The paper discusses two pieces of poetry from the early period of Iosif Brodsky’s creative work (early 1960s): the long poem *Zofia* and the 16-line verse “Leti otsiuda, belyi motyljok...” [En. “Fly away from here, white moth...”], dedicated to the addressee referred to in “Zofia”. The presumption is that Brodskii’s verses dedicated or referring to his Polish friend Zofia Kapuścinska (Z. K.) form a kind of hypertext with a single set of images, motifs, and subtexts, which, according to Vladimir Toporov’s terminology, may be defined as the “Zofia’s Text”. The paper presents some facts from the poet’s biography that gave rise to the “Zofia’s Text” and provides a comparative analysis of the two mentioned works. Guided by Vladimir Toporov’s methodological principles used in his study of the “Liza’s Text” in Russian literature, the author points out the conceptual features of “Leti otsiuda, belyi motyljok...” and shows how all of them were later reproduced and elaborated in “Zofia”. Without making it her aim to undertake a comprehensive analysis of the texts, the author confines herself to considering some lexical and lexical-grammatical means, interpreting some images and motifs, and identifying some sense-forming subtexts that can be taken as differential features characteristic of the assumed hypertext.

Keywords: X-text, lyrical addressee, Iosif Brodsky, subtext, Polish poetry

В статье рассматриваются два произведения Иосифа Бродского начала 1960-х гг. – поэма *Зофья* и стихотворение «Лети отсюда, белый мотылек...», посвященное тому же адресату. Делается предположение, что стихотворения Бродского, посвященные Зофье Капуциньской (Z. K.) или обращенные к ней, складываются в своего рода гипертекст с единым набором образов, мотивов и подтекстов – «Зофьин текст». В статье приводятся некоторые факты биографии поэта, послужившие толчком к возникновению «Зофьина текста» и проводится сопоставительный анализ указанных произведений, весьма несхожих по форме и содержанию. Руководствуясь методическими принципами, использованными Владимиром Топоровым в его исследовании «Лизина текста» русской литературы, автор выявляет концептуальные особенности стихотворения и показывает, как все они были воспроизведены и развиты в поэме. Не ставя задачи всестороннего анализа текста, автор ограничивается рассмотрением некоторых лексических и лексико-грамматических средств, интерпретацией некоторых образов и мотивов и выявлением смыслообразующих подтекстов, которые могут быть приняты как дифференциальные признаки, на основе которых возможно формирование гипертекста.

Представляется, что статья может послужить основой для анализа других компонентов гипотетического «Зофьина текста», а также для его расширения путем выявления обнаруженных дифференциальных признаков в других произведениях Бродского.

Ключевые слова: X-текст, лирический адресат, Иосиф Бродский, подтекст, польская поэзия

Идеи X-текста как конструкта на основе разных текстов, сгруппированных вокруг концепта X и обладающих сходными признаками, как отмечает Татьяна Николаева, «оказались не только новыми, но конструктивно-вдохновляющими»¹. Самый разработанный вариант X-текста – это городской свертхтекст, что неудивительно, так как в основу метода легли исследования «петербургского текста» Владимиром Топоровым, который и ввел этот термин в научный обиход. Но в книге *«Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения* (1995) Топоров рассмотрел также то, что назвал «Лизиным текстом»: совокупность содержащихся в разных произведениях коннотаций и «семантических ореолов», связанных с именем Лиза. Именной текст не получил такого широкого распространения, как городской. Так, в произведениях Иосифа Бродского нередко выделяют «кенигсбергский», «венецианский», «литовский» текст, не говоря уже о «петербургском». Однако нам не встречалось работ, где анализировался бы X-текст, связанный с именем или криптонимом адресата / персонажа стихов Бродского. Мы делаем попытку охарактеризовать начало формирования корпуса произведений, который условно называем «Зофьиным текстом». Бродский употребляет полное имя Зофья лишь один раз: так называется поэма, написанная в апреле 1962 г. Однако это имя зашифровано в посвящении к четырем стихотворениям: Z. K. (Zofia Karusińska); вместе с поэмой они и составляют основу условного «Зофьина текста». В данной статье мы ограничимся рассмотрением двух самых первых из пяти произведений: стихотворения «Лети отсюда, белый мотылек...» и поэмы *Зофья*.

Начать следует с некоторых пояснений биографического характера. Зофью Капуциньску (в замужестве Ратайчак) иногда называют «польской музой» Бродского². Согласно утвердившейся в «бродсковедении» биографической легенде, интерес Бродского к польской поэзии связан именно с Z. K., в гостях у которой он впервые услышал записанное на пластинку авторское чтение стихов Константы Ильдефонса Галчинского (о чем в интервью упоминают и Бродский, и Зофья Ратайчак). Однако легенду

¹ Т. М. Николаева, *Введение*, [в:] *Из работ Московского семиотического круга*: антология, Москва: Языки русской культуры 1997, с. XI.

² См., например: J. Ilg, *«Polska muza» Josifa Brodskiego*, [в:] он же, *Rozmowy*, Kraków: Znak 2014, с. 53–54.

опровергает сама З. К.: «Увлечение ИБ польской поэзией началось раньше, чем состоялась наша первая встреча. Удивительным было его знание, например, польской барочной поэзии (Семп-Шажинский), а также более поздней постромантической (Норвид). Я к этому не имела отношения»³. Обстоятельства знакомства с Зофьей, совместного прослушивания записей Галчинского и последовавшего за этим чтения собственных стихов достаточно подробно описал принимавший участие в этой встрече Дмитрий Бобышев (четвертым участником была университетская подруга Зофьи Галина Патраболова, по чьей инициативе и состоялось знакомство). Хотя Дмитрий Бобышев считается не самым надежным мемуаристом, Зофья Ратайчак, плохо запомнившая обстоятельства встречи из-за «огромного впечатления, которое произвела на нее сила самого поэтического действия»⁴, полагает, что его памяти в данном случае «стоит доверять». Знакомство послужило для Бродского толчком пусть не к чтению польской поэзии, но к переводу стихов Галчинского. Согласно тем же воспоминаниям Бобышева, Бродский тут же, в 1961 г., начинает переводить Галчинского:

Увлекшись Зошкой... Иосиф перевел на русский всё, что звучало по-польски на пластинке Галчинского⁵, и много более того, разгрохал и длинную поэму «Зофья», в которой, если исходить из прежней критической оценки Славинского⁶, «ложного пафоса» поубавилось, но «воды» всё ещё было много⁷.

Вторым следствием знакомства Бродского с Зофьей стала завязавшаяся между ними дружба и переписка, которая длилась, хотя и с перерывами,

³ Из письма Зофьи Ратайчак автору данной статьи от 25 мая 2012 г. Здесь и далее отрывки из писем цитируются с разрешения Зофьи Ратайчак.

⁴ Z. Ratajczakowa, *To nie wzięło się z powietrza*, [в:] J. Illg, *Rozmowy...*, с. 55 [здесь и далее перевод с польского, если не указано другое имя, мой – О. Б.]. О том же Зофья Ратайчак вначале написала мне, но, сверившись со своим архивом, отнесла знакомство с Бродским к лету (конец июля или август) 1961 г. (письмо от 12 июня 2012 г.). Дата подтверждается и тем, что среди стихов, которые читал Бродский при первом знакомстве и которые ей запомнились больше, чем обстоятельства встречи, она в интервью Ежи Иллгю и Валентине Полухиной называет написанное в 1961 г. стихотворение «Приходит март. Я сызнова служу...».

⁵ Записей стихов Галчинского в авторском чтении мало. Это фрагменты из поэмы *Niobe*, а также стихотворения *Sanie*, *Spotkanie z matką*, *Śmierć Andersena*, *Zaczarowana drożka*, *Warszawscy drożkarze*, *Warszawski wiatr*, *Piosenka o Wicie Stwoszu*. См.: *Gałczyński mówi swoje wiersze*, [электронный ресурс] <https://www.kigalczynski.pl/mp3/> [30.04.2021]. Никто уже не помнит, что было на той пластинке, но из всех имеющихся в записях стихов известен только перевод Бродским стихотворения *Zaczarowana drożka* (*Заговоренные дрожки*).

⁶ Ефим Славинский (1936–2019), по воспоминаниям Бобышева, в 1960 г. «покритиковал» Бродского: «Много воды и ложного пафоса».

⁷ Д. В. Бобышев. *Я здесь. Человекотекст*, «Семь искусств» 2015, № 6 (63), [электронный ресурс] <https://7iskusstv.com/2015/Nomer6/Bobyshev1.php> [30.04.2021].

всю жизнь поэта. Зофья уехала в Польшу в сентябре 1961 г. вскоре после знакомства с Бродским, там устроилась работать «в учреждение, где была машинка с русским шрифтом», и однажды «села и написала ему письмо». А в начале 1962 г. в одном из писем она получила от него первое стихотворение с посвящением – «Лети отсюда, белый мотылек...» (далее – ЛОБМ).

В первом томе *Собрания сочинений* и в двухтомном издании серии «Новая библиотека поэта» стихотворение датировано 1960 г.⁸ на основе самиздатовского «Марамзинского собрания», созданного друзьями Бродского при участии самого поэта перед его эмиграцией в 1972 г. Составитель собрания Владимир Марамзин вспоминает, что датировка недатированных стихотворений оказалась «непростым делом. Иосиф... менял даты под стихами по только ему ведомым причинам. [...] Некоторые стихи не смог датировать, ставил год приблизительно, пытаясь вспомнить обстоятельства»⁹. По всей вероятности, это произошло и с ЛОБМ: в письме, полученном Зофьей Ратайчак в начале 1962 г. (как и в машинописи, полученной Марамзиным¹⁰), стихотворение не было датировано. Одна из задач данной статьи – показать, исходя из текста стихотворения, что Бродский мог намеренно или ненамеренно изменить его дату, но не посвящение¹¹.

За этим стихотворением последовали другие: «Пограничной водой наливается куст...» (10 октября 1962), «Все дальше от твоей страны...» (1964, написано в ссылке) и, наконец, *Полонез: Вариация*, написанное уже по другую сторону «железного занавеса» в 1981 г. На вопрос Валентины Полухиной, знала ли она о посвящениях в то время, когда эти стихи были написаны, Зофья Ратайчак отвечает: «Да, я знала о них тогда же, когда они были написаны. Все эти стихотворения были присланы в письмах. А поэма *Зофья* была передана с Дравичем. Дравич привез эту поэму из Москвы, когда они первый раз встретились»¹².

⁸ И. Бродский, *Сочинения Иосифа Бродского*, сост. и подгот. Г. Ф. Комаров, Санкт-Петербург: Пушкинский фонд: Третья волна 1992, т. 1, с. 42; И. Бродский, *Стихотворения и поэмы*, сост., подгот. текста и примеч. Л. В. Лосева, Санкт-Петербург: Вита Нова: Изд-во Пушкинского Дома 2011, т. 2, с. 233.

⁹ В. Р. Марамзин, *К истории 5-томного собрания сочинений Бродского в ленинградском самиздате в 1972–1974 годах*, [в:] *Иосиф Бродский: проблемы поэтики: сборник научных трудов и материалов*. Москва: Новое литературное обозрение 2012, с. 421.

¹⁰ См.: А. Д. Клименко, *Поэтическое наследие И. А. Бродского: история публикации и проблемы текстологии*, диссертация на соис. уч. ст. канд. филол. наук, Санкт-Петербург 2017, с. 258, 283.

¹¹ О том, что Бродский нередко менял и посвящения, вспоминают, например, Аннелиза Аллева и Евгений Рейн. См.: В. П. Полухина, *Иосиф Бродский глазами современников (1996–2005)*, Санкт-Петербург: Звезда 2010, с. 314; Е. Б. Рейн, *Мне скучно без Бродского и Довлатова*, беседа с Н. Крышуком, «Дело» (еженедельник), 19.01.2004, [электронный ресурс] <http://www.idelo.ru/309/25.html> [30.04.2021].

¹² В. П. Полухина, *Иосиф Бродский глазами...*, с. 246. Анджей Дравич познакомился с Бродским в марте 1963 г. По его воспоминаниям, первая встреча состоялась в Ленинграде,

Зофья Ратайчак получала в письмах и другие стихи Бродского, но не обязательно с посвящением ей. Так, в цитированном интервью Валентине Полухиной она сообщает, что в письмо от 21 февраля 1962 г. «был вложен рисунок со стихами:

В глазах темно, вокруг темным-темно.
 Огонь души в ее слепом полете
 не был бы виден здесь давным-давно,
 не будь у нас почти прозрачной плоти¹³.

Эти строки, судя по некоторым мотивам (темнота, душа, полет), возможно, являются подступом к поэме Зофья, но стихотворение *Стекло*, заключительным четверостишием которого (с несущественными разночтениями) они стали, всё же настолько далеко от тематики и поэтики Зофьи, что включать его в «Зофья текст» неправомерно. Это же касается стихотворения *Песенка* («По холмам поднебесья...»), к заглавию которого Зофья Ратайчак «своей рукой приписала *Czerwone maki na Monte-Cassino*», хотя это «совершенно новые стихи, имеющие мало общего с песней, которую пели польские солдаты во время и после войны»¹⁴ (это впоследствии породило легенду, что Бродский якобы перевел знаменитую польскую военную песню¹⁵).

Очерчивая границы «Зофья текста», следует упомянуть еще одну неточность. В цитированном выше интервью Валентине Полухиной Зофья Ратайчак в числе обращенных к ней стихотворений упоминает «Твоей душе, блуждающей в лесах...». Оно также было первоначально включено Валентиной Полухиной в хронологию жизни и творчества Бродского¹⁶. И лишь

а не в Москве (см.: А. Дравич, *Поцелуй на морозе*, пер. с польского М. Малькова, Санкт-Петербург: Новая Польша 2011, с. 72).

¹³ В. П. Полухина, *Иосиф Бродский глазами...*, с. 247.

¹⁴ Из письма Зофьи Ратайчак автору статьи от 24 октября 2014 г.

¹⁵ См., например: Э. Тоша, *Состояние сердца. Три для с Иосифом Бродским*, пер. с польского Е. Твердислова, Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив 2017, с. 24. В русском переводе книги сделана попытка исправить ошибку, но поправка сформулирована настолько неуклюже, что читатель вообще перестает понимать, о чем речь: «Вольное переложение *Песенки* И. Бродским: «По холмам поднебесья...». О содержащихся в *Песенке* аллюзиях к песне на слова Ф. Конарского *Czerwone maki na Monte-Cassino* см.: К. Воронцова, «Мы связаны, поляки, давно одной судьбою...»: *Польский текст русской культуры в поэзии второй половины XX века (1945–1991 гг.)*, Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach 2020, с. 101–102.

¹⁶ В. П. Полухина, *Иосиф Бродский: жизнь, труды, эпоха*, Санкт-Петербург: Звезда 2008, с. 113. См. также: Л. В. Лосев, *Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии*, Москва: Молодая гвардия 2006, с. 338. Впоследствии Валентина Полухина исключила стихотворение из списка произведений Бродского.

через многие годы Зофья Ратайчак «точно узнала», что это стихотворение, присланное ей в письме 1 ноября 1964 г., написано Анатолием Найманом – очередной случай ошибочной атрибуции стихов поэтов одного круга.

Таким образом, первоначальный «Зофьин текст» включает только вышеперечисленные четыре стихотворения, адресованные Z. K., и поэму Зофья. Как видим, стихотворений немного, и тем не менее по числу посвящений Z. K. занимает в поэзии Бродского (пусть с огромным отрывом) второе место после его «главной» музыки М. Б.

Попытку если не сопоставления, то, по крайней мере, соположения этих стихотворений (за исключением *Полонез: Вариация*) делает Ядвига Шимака-Рейфер¹⁷. Подробно анализируя поэму Зофья, она естественным образом рассматривает и ее контекст. В первом по времени «лирическом послании» Бродского (*ЛОБМ*), по мнению Шимака-Рейфер,

есть что-то от светской альбомной поэзии. Конечно, это не куртуазный мадригал, потому что в нем нет выразительно очерченного образа адресата, как, например, в лирике Е. Баратынского или М. Лермонтова. Но и не любовное признание, а скорее всего лишь деликатная попытка напомнить о себе, послав особого вестника¹⁸.

Однако при попытке такого прочтения настораживают уже первые три строки:

Лети отсюда, белый мотылек.
Я жизнь тебе оставил. Это почесть
и знак того, что путь твой недалек.

Исходя из этих строк, «вестника» не посылают, а отсылают «отсюда»; при этом он должен считать за «почесть» то, что ему «оставили жизнь», и помнить, что всё равно далеко не улетит. Угрозы подстерегают «вестника» и на пути, недаром герой советует ему:

Будь осторожен там, над проводами.
Смотри, не попади под колесо
И птиц минуй движением обманном...

¹⁷ Я. Шимака-Рейфер, *Зофья*, [в:] *Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе*, Москва: Новое литературное обозрение 2006, с. 10–32. См. также: J. Szymak-Reiferowa, *Czytajac Brodskiego*, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 1998, с. 60–81, 86.

¹⁸ Я. Шимака-Рейфер, *Зофья...*, с. 26–27.

И лишь после того, как мотылек выполнит эти маневры, он должен «напомнить» о герое – «нарисовать» его лицо перед героиней, находящейся в весьма неопределенном пространстве: «в пустом кафе. И в воздухе туманном». Всё это очень мало похоже на «светскую альбомную лирику».

«С виду наивный, трогательный, а на самом деле изысканный образ как будто сдунутого с ладони мотылька нуждается в комментарии», – продолжает Ядвига Шимак-Рейфер. И тут же идет по пути наибольшего отдаления от текста (а также от контекста и подтекста):

Кажется, это первый в стихах Бродского след характерной для индийской философии веры в реинкарнацию. Лирический герой Бродского помнит о том, что нельзя убивать животных («я жизнь тебе оставил»), потому что в их телах могли воплощаться проходящие испытание, ожидающие очищения от скверны души людей¹⁹.

«Должно быть, ты одно из тех существ, / мелькавших на полях метемпсихоза», – обращается к мотыльку герой. Греческое слово «метемпсихоз» указывает скорее на античные – орфические, пифагорейские и неоплатонические – представления о переселении душ, не тождественном реинкарнации, о которой идет речь выше. При этом «поля метемпсихоза» – явная контаминация: «переселение душ» плюс древнегреческий Элизиум, «Елисейские поля». И, конечно же, слово «метемпсихоз» родственно имени «Психея»²⁰, означающему по-гречески и «бабочка», и «душа», – имени, которым называлось мифологическое олицетворение души и дыхания, изображавшееся в виде бабочки или девушки (иногда девочки) с крыльями бабочки, реже – в виде птицы.

Мы так подробно останавливаемся на толковании Ядвиги Шимак-Рейфер, потому что это единственный относительно развернутый комментарий к стихотворению, который в то же время не отвечает на многочисленные вопросы, вызываемые этим внешне простым текстом, зато порождает новые. Но нас сейчас интересует то, как стихотворение соотносится со своим адресатом и какие параметры задает для формирования дальнейшего сверхтекста.

Бродский, как правило, не смешивает в стихах бабочку и мотылька – за одним исключением: когда речь идет о «белом» существе, которое он называет то мотыльком, то бабочкой, то видовым именем «капустница» (см. цикл *В Англии*). Это последнее наименование созвучно с фамилией Karusińska, которая по-русски звучала бы как «Капустинская». Таким образом, уже в обращении

¹⁹ Там же, с. 27.

²⁰ Фантазируя, можно предположить, что здесь частично зашифрована и специальность Зофьи – психолог.

зашифрована фамилия героини, возможно, намек на ее белокурые волосы, а также происхождение (бабочка по-польски – motyl, motylek).

Но сама «мотылек»-Зофья уже «улетела» из СССР. Герой пишет героине письмо. Константы Ильдефонс Галчинский в стихах дважды сравнивает белых бабочек с «летучими письмами»: «o białych motylach jak listy latające» (*Kronika Olsztyńska*); «Motyle żółte i białe jak latające listy» (*Spotkanie z matką*)²¹. Кстати, запись чтения Галчинским *Встречи с матерью* (*Spotkanie z matką*) существует; возможно, она была и на Зофьиной пластинке. Письмо летит авиапочтой, поэтому оно «летучее». Таким образом, обращаясь к «белому мотыльку», герой обращается и к героине, чье имя стоит на конверте, и – через подтекст – к самому письму со стихами, служащему средством, цитируя Шимака-Рейфера, «посылки души», так как привычные коннотации мотылька-бабочки-Психеи-души вышесказанным не отменяются.

Обращение к Галчинскому помогает ответить на некоторые другие вопросы. В частности, чем объясняется странный совет мотыльку: «Смотри, не попади под колесо» – ведь «над голыми садами» и «над проводами» нет колесного транспорта. Разумеется, это метафора, причем достаточно стертая (ср. такие расхожие выражения, как «попасть под колесо времени, судьбы, истории» и т. п.). Однако здесь, как представляется, присутствует прямая отсылка к заглавию стихотворения Галчинского *Na śmierć motyla przejechanego przez samochód ciężarowy*. В этом случае гораздо менее зловеще звучит цитированная выше фраза «Я жизнь тебе оставил» и снимается никак не вяжущийся с содержанием стихотворения мотив «убийства животных». «Стих есть речь без логического ударения», утверждал Борис Томашевский²². Эту мысль развивает и Ирина Ковтунова: «Стиховой ритм в целом исключает возможность и во многих случаях делает ненужным смысловое выделение слов, обычное для интонации прозаической речи»²³. Но в данном случае, если поставить под логическое ударение безударное местоимение «я», смысл изменится: «Я [в отличие от Галчинского, убившего в стихах своего «motyla» – О. Б.] жизнь тебе оставил...».

Еще сильнее изменится смысл в случае логического выделения слова «тебе». Тогда многозначное слово «оставить» приобретет значение «предоставить» и, согласно этой логике, слово «жизнь» будет обозначать не жизнь самого мотылька, а жизнь героя, вверенную мотыльку.

²¹ К. I. Gałczyński, *Wiersze na polskich obłokach*, Warszawa: Świat Książki 2008, с. 339, 349.

²² Б. В. Томашевский, *О стихе*, Ленинград: Прибой 1929, с. 313.

²³ И. И. Ковтунова, *Поэтический синтаксис*, отв. ред. Н. Ю. Шведова, Москва: Наука 1986, с. 11.

Если же все-таки руководствоваться логикой, задаваемой стиховыми ударениями, то можно предположить, что в этой строке актуализируется смысл обращения, образуемый упомянутым ранее подтекстом: белый листок со стихами, которые автор не уничтожил и не выбросил как неудачные, а счел достойными «долететь» до адресата, т. е. воздал им «почесть».

Таким образом, мы можем выделить следующие особенности стихотворения:

- многозначность обращения, т. е. заложенная в одном и том же обращении («белый мотылек») множественность адресации;
- отсутствие «выразительно очерченного образа адресата»;
- тема полета, «летающего письма»;
- польско-русская межъязыковая игра;
- мотивы, создающие настроение опасности, угрозы;
- обращение к античным реалиям;
- интертекстуальная связь с польской поэзией (Галчинский);
- возможная многозначность высказываний, порождаемая сдвигом логического ударения;
- обращение к концепту души.

По словам Шимак-Рейфер, *ЛОБМ* стоит «в ряду тех нескольких лирических произведений Бродского... в которых впервые появилось слово „душа“»²⁴. Уточним: слово «душа» как таковое в стихотворении отсутствует, а понятие передается лишь имплицитно – через образ мотылька и греческий корень слова «метемпсихоз». Лев Лосев пишет о Бродском:

Он сам иногда ставил себе в заслугу возвращение в стихи слова «душа». Действительно, «душа» – одно из самых высокочастотных слов в словаре Бродского – 204 употребления. При этом он имел в виду, конечно, не слово как таковое – в русском языке «душа» сплошь и рядом фигурирует в неметафизических значениях, и в этих значениях оно свободно использовалось даже в официальной советской поэзии. [...] Но у Бродского «душа», как правило, выступает как «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею» (Даль)²⁵.

Из этих 204 употреблений 44 приходятся на одно произведение – поэму *Зофья*, хронологически продолжившей «Зофьин текст».

Интересно, что «героиня» не узнала себя в поэме:

Я всегда удивлялась, почему эта поэма названа моим именем, потому что там гораздо более сложные проблемы его личной жизни. Я думаю, что это был какой-то перелом

²⁴ Я. Шимак-Рейфер, *Зофья...*, с. 27.

²⁵ Л. Лосев, *Иосиф Бродский. Опыт...*, с. 168–169.

в его внутренней жизни и в его творчестве. Мне всегда казалось, что это как будто не Бродский, а кто-то другой написал поэму, потому что все стихи, которые я читала и слышала, казались совсем другими²⁶.

Тем не менее, когда интервьюер Валентина Полухина перечисляет многочисленные мистико-символические мотивы, вычитанные из поэмы (или «вчитанные» в нее) Ядвигой Шимака-Рейфера, в частности то, что Зофья – это «польский вариант русской Софьи и греческой Софии, влекущие за собой „несколько значений: Sophia – Anima Mundi, мистическая Душа Мира, гностическая Душа, которая является Прачеловеком, самого себя приносящим в жертву»²⁷, Зофья Ратайчак возражает: «Но Бродскому очень хотелось подчеркнуть, что это Зофья, а не София. И это было очень личное, без символических значений, по-моему. Там страшно много страстей. И у меня такое впечатление, что он удаляется от причинно-логического принципа...»²⁸.

«Причинно-логический принцип» в *Зофье* трудно вычленишь отчасти потому, «что сюжет сознательно отодвинут на второй план, скрыт медитативными отступлениями»²⁹. В ней «нет и намек на внешний сюжет...», зато имеет место «неистовая напряженность внутреннего сюжета», суть которого – «стремление понять свои взаимоотношения с миром, выявить, вывести из зловещего полумрака, выразить в слове опасности, подстерегающие человека, в первую очередь его душу»³⁰. Элементарный внешний сюжет в поэме, конечно, присутствует: в сочельник герой собирается в гости, и даже ряд странных событий, происходящих в доме в этот момент, не препятствует ему выйти из дому (глава 1)³¹. Внутренний же сюжет, при всей запутанности его изложения в главе 2, также в целом поддается формулировке: ценой отказа от любви и дома герой обретает поэтический и провидческий дар, став «маятником», т. е. приняв биполярность мира и собственное «раскачивание» от крайности к крайности как естественное состояние.

Казалось бы, некорректно сопоставлять 16-строчное стихотворение *ЛОБМ* с длинной поэмой, особенно ее второй главой, представляющей собой полный экзальтации, осложненный многочисленными повторами, анаколуфами, откровенными алогизмами и мощной, пользуясь выражением Александра Жолковского, «интертекстуальной арматурой» внутренний

²⁶ В. Полухина, *Иосиф Бродский глазами...*, с. 246.

²⁷ Там же, с. 247. См.: Я. Шимака-Рейфер, *Зофья...*, с. 30.

²⁸ В. Полухина, *Иосиф Бродский глазами...*, с. 247.

²⁹ М. Пироговская, *Ритм и смысл: пятистопный ямб Иосифа Бродского*, «Toronto Slavic Quarterly» 2005, № 13, [электронный ресурс] <http://sites.utoronto.ca/tsq/13/pirogovskaia13.shtml> [18.07.2021].

³⁰ Я. А. Гордин, *В сторону Стикса*, Москва: Новое литературное обозрение 2005, с. 57.

³¹ См.: *Зофья*, [в:] *Сочинения Иосифа Бродского...*, т. 1, с. 165–183.

монолог. Однако в наши задачи не входит всесторонний анализ *Зофьи*: нас интересуют особенности и мотивы, присутствующие также в *ЛОБМ* и способствующие дальнейшему выстраиванию «Зофьяна текста».

По наблюдению Ирины Романовой, для Бродского весьма характерно «использование субъектных форм „ты” и „вы” (по контрасту с традиционным объектным „ты” и „вы”», выражающих «обращенность говорящего к самому себе»³² (автокоммуникативность). Во второй части *Зофьи* порой трудно понять, является ли местоимение «ты» субъектным или объектным. Понимание осложняется тем, что лирический герой обозначается и как «ты», и как «я», и даже как «он», а «ты» обращено то к мужчине, то к женщине. Высказывание «Любовь твоя – воспитанница фей, / возлюбленный твой – нынешний Орфей», безусловно, обращено к героине, а например, «напрасно ты, безмолвствуя, бежал» – к герою. Но при отсутствии таких явных указаний (а они, как правило, отсутствуют), вообще неясно, о ком идет речь в том или ином фрагменте: «любовь твоя, души твоей страшась, / под черными деревьями дрожит» – та ли это любовь – «воспитанница фей», о которой говорилось выше, или уже другая? Порой трудно понять, то ли мы имеем дело со скрытым диалогом, то ли «ты» относится одновременно и к герою, и к героине: «[...] в зеркало вперясь, сказать, что ты / это я...», напишет Бродский в последнем по времени стихотворении «Зофьяна текста» *Полонез: Вариация*. Множественность адресации, заданная в *ЛОБМ*, здесь разворачивается в мощное выразительное средство. При этом «выразительно очерченный образ адресата» в *Зофье* также отсутствует: «[...] и образ твой – фотографа момент, / твой голос – отдаленный диксиленд»; «немыслимый мой польский адресат» – вот всё, что автор позволяет нам о ней узнать.

Прямым указанием на польскую тему, помимо приведенной выше строки и заглавия, служат строки: «мелькнуть и затеряться в небесах / открыткой в посполитый рай», содержащие межъязыковую игру. «Речь Посполитая» для русского читателя – историческое название польско-литовского объединенного государства, существовавшего в 1569–1785 гг. Слово «*rzeczpospolita*» по-польски означает просто «республика» и входит в официальное название Польши (в 1962 г. – *Polska Rzeczpospolita Ludowa*). При этом «*pospolity*» означает «обычный», «общий» и даже «заурядный». Так что «*посполитый рай*» может означать «обычный», «общий» рай «в небесах» и одновременно личный, «польский» рай героя³³. Также графически выделенные сочетания букв

³² И. В. Романова, *Субъектно-объектная структура лирики Бродского*, [в:] *Иосиф Бродский: проблемы...*, с. 41.

³³ Интересно, что польская переводчица *Зофьи* К. Кшижевска, не усмотрев здесь межъязыковой игры, перевела слово «*посполитый*» с польского на польский: «*zwykły raj*».

ОД и ДО («в безмерной Одинокости Души, / в ДОму своем...»), не слишком осмысленные по-русски, по-польски образуют пару предлогов ОТ – ДО (od – do), весьма значимую для поэмы (как диапазон раскачивания «маятника»).

Образы и темы, намеченные или присутствующие в *ЛОБМ* имплицитно, в «свернутом» виде, получают развитие в *Зофье*: так, образ «летающего письма», зашифрованный в подтексте стихотворения, появляется и в поэме: помимо вышеупомянутой «открытки» это дважды повторенное «чтоб чувства, промелькнувшие сквозь ночь / оделись в серебро авиапочт». Заданный в *ЛОБМ* мотив грозящей опасности в *Зофье* развивается на сюжетном уровне: им пронизана первая, повествовательная часть поэмы, от наблюдаемой героем в окно тревожной сцены погони постового за пьяницей («их трое оказалось. Третий – страх») в самом начале до телефонных угроз в финале первой части – угроз, звучащих даже из «разъединенного» телефона. Едва затронутый в стихотворении пласт античной мифологии в поэме развивается в обращении к мифам об Орфее и Ио. И если история Орфея и Эвридики достаточно часто использовалась и переосмысливалась в XX в. (от Райнера-Марии Рильке и Жана Кокто до Галчинского), миф об Ио – возлюбленной Зевса, превращенной им в корову и преследуемой оводом, насланным на нее Герой, – не был растиражирован. Бродский, казалось бы, осмысливает его как миф о далекой возлюбленной: «А жизнь твоя, как Ио вдалеке». Учитывая общую неопределенность адресации в *Зофье*, у строки может быть несколько прочтений. С далекой Ио могут сравниваться: жизнь (т. е. события жизни) героини, жизнь героя (при автокоммуникативном «ты»), сама героиня, в которой состоит вся жизнь героя, ее смысл (также при автокоммуникативном «ты»). Ядвига Шимака-Рейфера считает единственно верным второй вариант: «Из текста поэмы ясно следует, что герой видит в этом образе не девушку, а себя»³⁴. Однако как раз ясности в тексте недостает. В пользу трактовки Шимака-Рейфера говорят строки: «Как будто ты ужален и ослеп, / за белую коровой вьется вслед / жужжащая небесная оса...», где «ты», по всей видимости, должно относиться к герою (мужской род). Но, как и в *ЛОБМ*, при интонационном смысловом выделении этого местоимения – «Как будто **ты** ужален и ослеп...» – смысл строки изменится: окажется, что герой ощущает происходящее с героиней так, будто это происходит с ним самим. Снова налицо отождествление «ты – это я», причем с помощью того же приема и той же лексики (личных местоимений и слова «жизнь»), что и в *ЛОБМ*.

Оса, преследующая Ио, по предположению Шимака-Рейфера, символизирует эпоху, век: «[...] как будто век жужжит в его [Бога – О. Б.] руке...»

³⁴ J. Szymak-Reiferowa. *Czytając...*, с. 66.

(«скорее всего, в том же значении, в котором употребил это слово Осип Мандельштам, написав: “Мне на спину бросается век-волкодав”»³⁵). При этом оса выступает в роли мифологического овода. Случайна ли эта замена, учитывая, что осы, как правило, в отличие от оводов, на коров не нападают? В древнегреческой мифологии осе места нет, зато

в греческой и римской поэзии поэты часто сравниваются или сравнивают себя с пчелами. [...] Но главный источник этого образа – диалог Платона «Ион»: «Говорят же нам поэты, что они летают, как пчелы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах Муз»³⁶.

Однако не с пчелой, а именно с осой сравнивает поэзию Галчинский в стихотворении *List z fiołkiem*: «Poezja to jest złoty **szerszeń** / co kąsa, więc się pisze wiersze...» [выделено мной – О. Б.]³⁷. Возможно ли именно в этом ключе толковать «небесную осу» Бродского: как пчелу-поэзию, непрерывно преследующую и героя, и – через него – героиню? Тогда «ослеп» будет подразумевать не физическое увечье, а атрибут поэта (слепота Гомера; ср. также мандельштамовское «чтобы как пчелы, лирники слепые / нам подарили эолийский мед»), а возможно, и провидца (слепота Тиресия). Если так, то превращение пчелы в осу произошло «с легкой руки» Галчинского.

Вероятность аллюзии подкрепляется наличием в *Зофье* и других отсылок к польскому поэту. Стихотворения Галчинского 1946–1948 гг.

построены по принципу соединения реального с фантастическим и напоминают, по сути, картинки, создаваемые с помощью волшебного фонаря. Не случайно действие многих поэтических повествований происходит магической и онирической ночной порой – порой темноты и колдовства³⁸.

Ночной порой происходит и действие *Зофьи*, и в поэме тоже достаточно и «темноты» (не только в переносном, но и в прямом смысле), и колдовства, и есть все основания предположить, что первая, «сюжетная» часть *Зофьи* написана отчасти по мотивам «ночных» текстов Галчинского: *Zaczarowana dorożka*, *Pożegnanie z latarniami* и рождественской «двойчатки»

³⁵ Там же. Стихов Мандельштама о «веке-волкодаве», так же, как и об осах, «сосущих ось земную» Бродский в 1962 г. еще не знал.

³⁶ К. Ф. Тарановский, *О поэзии и поэтике*, Москва: Языки русской культуры 2000, с. 126.

³⁷ К. I. Gałczyński, *Wiersze na polskich...*, с. 620.

³⁸ В. Mytych-Forajter, W. Forajter, *Ballada o smutnym kataryniarzu. O „Zaczarowanej dorożce” Konstantego Ildefonsa Gałczyńskiego*, [в:] *Interpretować dalej. Najważniejsze polskie książki poetyckie lat 1945–1989*, Kraków: Universitas 2011, с. 24.

1947 г. *Przed zapaleniem choinki* и *Mała symfonia świecznikowa*³⁹. Еще раз напомним, что Бродский познакомился с Зофьей именно «на почве» Галчинского и никогда об этом не забывал: в 1976 г., когда Зофья Ратайчак приехала в Нью-Йорк и встретила Бродского, он, по ее воспоминаниям, читал ей «наизусть стихи Галчинского, в том числе *Заговоренные дрожки*, что вызвало некоторый интерес. [...] Официантка спросила, на каком языке мы разговариваем – такой экзотический, может быть азиатский? А это был польский»⁴⁰. А в 1962 г. Бродский уже активно переводил Галчинского. Так что не удивительно, что аллюзии к польскому поэту не потерялись в разноголосице звучащих в поэме отсылок едва ли не ко всей мировой литературе. Не потерялись в грандиозной *Зофье* и автореференции к миниатюрному *ЛОБМ*, все главные образы, мотивы и подтексты которого были развиты в поэме. Так начал формироваться «Зофьин текст», продолженный в том же 1962 г. («Пограничной водой наливается куст...») и завершенный без малого двадцать лет спустя (*Полонез: Вариация*). Предположительно, его границы можно расширить, однако для этого необходимо рассмотреть и прочие дифференциальные признаки данного минимального корпуса и сопоставить с другими текстами, в особенности доэмигрантского периода, что в задачи данной статьи не входит.

References

- Barash, Olga Ya. K. I. *Galczyński i poema I. Brodskiego "Zofia"*. In: *Literaturnyi transfer i poetika perevoda = Transfer literacki i poetyka przekładu: zbornik nauchnykh statei*. Moskva: Azbukovnik, 2017: 176–184.
- Bobyshev, Dmitrii V. "Ya zdes. Chelovekotekst". *Sem iskusstv*. No 6 (63) (2015). <https://7iskusstv.com/2015/Nomer6/Bobyshev1.php>
- Brodskii, Iosif. *Sochineniya Iosifa Brodskogo*. Vol. 1. Sankt-Peterburg: Pushkinskii fond: Tretya volna, 1992.
- Brodskii, Iosif. *Stikhotvoreniya i poemy*. Vol. 2. Sankt-Peterburg: Vita Nova: Izdatelstvo Pushkinskogo doma, 2011.
- Drawicz, Andrzej. *Potselui na moroze*, transl. M. Malkov. Sankt-Peterburg: Novaya Polsha, 2011.
- Galczyński, Konstanty I. *Wiersze na polskich obłokach*. Warszawa: Świat Książki, 2008.
- Gordin, Yakov A. *V storonu Stiksa*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
- Illg, Jerzy. "Polska muza" *Josifa Brodskiego*. In: *Rozmowy*. Kraków: Znak, 2014: 53–54.
- Klimenko, Alina D. *Poeticheskoe nasledie I. A. Brodskogo: istoriya publikatsii i problem tekstologii*. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2017.
- Kovtunova, Irina I. *Poeticheskii sintaksis*, ed. N. Yu. Shvedova. Moskva: Nauka, 1986.

³⁹ Подробно об аллюзиях к Галчинскому в *Зофье* см. нашу работу: К. И. Галчинский и поэма И. Бродского «Зофья», [в:] *Литературный трансфер и поэтика перевода = Transfer literacki i poetyka przekładu: сборник научных статей*, Москва: Азбуковник 2017, с. 176–184.

⁴⁰ Z. Ratajczakowa, *To nie wzięło się z powietrza...*, с. 73.

- Losev, Lev V. *Iosif Brodskii. Opyt literaturnoi biografii*. Moskva: Molodaya gvardiya, 2006.
- Maramzin, Vladimir R. *K istorii 5-tomnogo sobraniya sochinenii Brodskogo v leningradskom samizdate v 1972–1974 godakh*. In: *Iosif Brodskii: problemy poetiki: sbornik nauchnykh trudov i materialov*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012: 418–424.
- Mytych-Forajter, Beata; Forajter, Waclaw. *Ballada o smutnym kataryniarzu. O „Zaczarowanej dorozhce” Konstantego Ildelfonsa Galczyńskiego*. In: *Interpretować dalej. Najważniejsze polskie książki poetyckie lat 1945–1989*, ed. D. Kozicka. Kraków: Universitas, 2011: 23–40.
- Nikolaeva, Tatyana M. *Vvedenie*. In: *Iz rabot Moskovskogo semioticheskogo kruga: antologiya*. Moskva: Yazyki russkoi kultury, 1997: VII–XLIX.
- Pirogovskaya, Mariya M. “Ritm i smysl: piatistopnyi yamb Iosifa Brodskogo”. *Toronto Slavic Quarterly*. No. 13 (2005). <http://sites.utoronto.ca/tsq/13/pirogovskaia13.shtml>
- Polukhina, Valentina P. *Iosif Brodskii glazami sovremennikov (1996–2005)*. Sankt-Peterburg: Zvezda, 2010.
- Polukhina, Valentina P. *Iosif Brodskii: zhizn, trudy, epokha*. Sankt-Peterburg: Zvezda, 2008.
- Ratajczakowa, Zofia. *To nie wzięło się z powietrza*. In: Jerzy Illg. *Rozmowy*. Kraków: Znak, 2014: 55–81.
- Rein, Yevgenii B. “Mne skuchno bez Brodskogo i Dovlatova”, beseda s N. Kryshchukom. *Delo*, 19.01.2004. <http://www.idelo.ru/309/25.html>
- Romanova, Irina V. *Subektno-obektnaya struktura liriki Brodskogo*. In: *Iosif Brodskii: problemy poetiki*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012: 34–49.
- Szymak-Reifer, Jadwiga. *Zofia*. In: *Kak rabotaet stikhotvorenje Brodskogo. Iz issledovanii slavistov na Zapade*, eds. L. V. Losev, V. P. Polukhina. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006: 10–32.
- Szymak-Reiferowa, Jadwiga. *Czytając Brodskiego*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1998.
- Taranovskii, Kirill F. *O poezii i poetike*. Moskva: Yazyki russkoi kultury, 2000.
- Tomashevskii, Boris V. *O stikhe*. Leningrad: Priboi, 1929.
- Tosza, Elżbieta. *Sostoyanie serdtsa. Tri dnia s Iosifom Brodskim*, transl. E. Tverdislova. Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017.
- Vorontsova, Kristina. “*My sviazany, polyaki, davno odnoi sudboyu...*”: *Polskii tekst russkoi kultury v poezii vtoroi poloviny XX veka (1945–1991 gg.)*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2020.

Received: 27.12.2021. Verified: 11.08.2022. Accepted: 23.10.2022.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)